

ДОРОГА К ДОМУ

Двадцать семь лет прошло с тех пор, когда нам дали команду «Вперед!» и мы покинули Кабул, начав движение на север, к границе СССР. Множество чувств захлестнуло тогда сердце: и радость от близкой встречи с Родиной, и грусть от мысли, что теряем что-то невозвратное, и вина перед погибшими друзьями, которых оставляли в далёкой и чужой стране.

Наша прославленная 103-я гвардейская воздушно-десантная дивизия усталыми колоннами возвращалась домой. Возвращалась после неисчислимых боев, рейдов и переходов по горячим пескам и заснеженным горным перевалам, в жару и стужу, днем и ночью, гордясь своими сыновьями и теряя их. Последний боевой поход, как и все другие, не был легким. В тяжелейших условиях пурги (видимость менее десяти метров) преодолевали заснеженный Саланг. Сходящие с гор лавины засыпали дорогу, а вместе с тем и машины с людьми; и солдаты бросались в бой с непогодой, орудя уже не автоматами, а лопатами, вызволяя из снежного плена своих друзей. К сожалению, и здесь не всех удалось уберечь. Пройдя Саланг, мы блокировали «дорогу жизни» (так называли дорогу Кабул – Хайратон) на обширном участке и более месяца прикрывали идущие и идущие на Родину колонны. Было в этой привычной полевой жизни всякое: и ежедневные проверки полотна дороги и всех мостов на наличие мин, и монотонное круглосуточное наблюдение за окружающими горами, и душманские обстрелы.

Но вот пришло и наше время покидать Афганистан. Границу 350-й гвардейский парашютно-десантный полк пересек 12 февраля 1989 года. Проезжали по мосту Дружбы через Амударью, который соединял афганский Хайратон и советский Термез, и слезы наворачивались при мысли, что войне – конец, что не надо с опаской смотреть по сторонам и остерегаться душманских мин, не надо падать на землю при выстреле и зарываться в нее при обстрелах. К сожалению, в тот момент это была единственная радость от встречи с Родиной. Никто нас особенно здесь не ждал: ни в этот день, ни после. Проскочив без остановки скопление людей из тех, кто приехал встретить близких, мы долго пылили по степи, пока не прибыли в какой-то лагерь под Термезом. Впечатление было такое, что это забытый богом уголок где-то на краю цивилизации. Правда, стояли палатки, были нары и матрасы. Но телеграмму никто не мог отправить даже за свои деньги. Умыться в лагере тоже было негде: поливали друг друга на руки из банок, как на войне, возле палаток. Питание также было организовано под стать остальным удобствам – сухой песок, как при ведении боевых действий.

Началось увольнение в запас солдат, которые прослужили 2,5 года (так как приказом министра обороны их служба продлевалась до конца вывода войск). Возвращаться домой им пришлось в чем бог послал: в Кабуле говорили, что форму выдадут в Термезе, а в Термезе ее не оказалось. По этой причине половина «дембелей» отказалась увольняться из Термеза. Солдаты поехали к месту постоянной дислокации части – в Беларусь, чтобы там раздобыть хоть какую-то форму и приехать домой не оборванцем, а человеком, достойно выполнившим свой воинский долг. А тем бойцам, кто изъявил желание уволиться сию минуту, с полей, в любой имеющейся форме, тут же выдали документы. И пошли они пешком, в надежде выйти к какому-нибудь жилью и доехать до ближайшего вокзала. Получается, пот и кровь остались в Афганистане, а здесь каждый должен в одиночку решать свои проблемы. Все это только часть тех впечатлений, которыми нас «одарила» Родина по возвращении домой. И куда только подевались корреспонденты, кинооператоры и политики? Конечно, мы – солдаты, и никто не роптал. Но было по-

человечески обидно, что в стране, несмотря на перестройку и гласность, которыми мы тогда жили, по-прежнему трубят в фанфары, устраивая показуху: говорят одно, а на деле – другое.

Правда, был еще один день, когда на советско-афганской границе было многолюдно и празднично. Это, конечно же, 15 февраля – последний день пребывания советских войск на многострадальной земле Афганистана. Да это и понятно: весь мир тогда следил за передислокацией советских боевых колонн. Кульминацией события явился переход по мосту Дружбы командующего 40-й армией генерала Бориса Громова и его фраза: «За моей спиной нет ни одного советского солдата».

... Только на третьи сутки, прибыв уже в Беларусь, мы смогли наконец-то оповестить своих родных, что мы живы и здоровы, что мы вернулись с войны.

Вячеслав Белоус,
гвардии старший прапорщик запаса